

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ КОМИ *ноз*, УДМ. *нуз* В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ*

Abstract. The Semantic Development of the Words Komi *ноз*, Udm. *нуз* in the Permic Languages

The article compares the diachronic development of the semantics of Proto-Uralic **pesa* 'nest', Permian **poz* id. > Komi *ноз* id., Udm. *нуз* 'egg') The study shows that the word has undergone the greatest semantic change in the Komi-Zyryan dialects and literary language where the lexeme has gradually grammaticalized into a suffixoid. This morpheme is used in an emotive lexical subsystem, forming mostly pejoratives, for example, *дыштоз* 'sloth, lazybones'.

Keywords: Komi language, Udmurt language, lexicology, emotive lexicon, grammaticalization, suffixoids, word formation, polysemy, pejoration.

1. Введение

В развитии лексики любого языка неоценимую роль играет полисемия, когда с расширением семантики номинативная и функциональная нагрузка лексемы, которая обозначает новые реалии, предметы или явления окружающего мира. Развитие значений некоторых слов может привести к их постепенной грамматикализации путем десемантизации и дальнейшего абстрагирования значений, особенно в языках агглютинативного типа. Сказанное имеет прямое отношение к коми *ноз* 'гнездо', удм. *нуз* 'яйцо', рассматриваемых в данной статье.

Полисеманты, или многозначные слова, составляют большую часть активной лексики языка. Как указывает Д. Н. Шмелев, «совокупность значений многозначного слова всегда характеризуется определенной организацией, что подтверждается, в частности, перераспределением значений слова (изменением его семантической структуры)» (1990 : 382). Переносные созначения, ЛСВ (лексико-семантические варианты) всегда мотивированы, связаны с прямым значением и реализуются, как правило, в определенных контекстах. Роль языковой метафоры в мысли-

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Уральского отделения РАН "Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества" по проекту «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)» (№ 18-6-6-25).

тельной деятельности человека П. Лафарт определяет так: «Метафора — есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека» (цит. по Кодухова 2013 : 162). Слово как развивающаяся языковая единица со временем может легко как приобретать новые значения, так и утрачивать старые. «Будучи сложным процессом, полисемия слова способствует формированию не только основных структурно-семантических элементов слова (ЛСВ), но и позволяет каждому из этих элементов развивать свою структуру, что, естественным образом, происходит вследствие неразделимости существования языка и речи» (Мухортов 2014 : 171—172). Общепринято, что слова в переносных значениях, сохраняя мотивированность, активнее выражают мысль и эмоциональнее воздействуют на слушателя или читателя. В отличие от многих полисемантов, прежде всего глаголов, у коми *поз* сохраняется устойчивая мотивационная связь с опорным значением 'гнездо'.

К сожалению, тема полисемии как в синхронном, так и диахронном плане в коми языкознании подробно еще не изучена, хотя представляет большой интерес не только для описательной лексикологии, но и для специалистов в области когнитологии, для лингвистов, изучающих национальную картину мира коми народов. В теоретическом отношении важно осознавать значимость семантической изменчивости в истории языка и контекстуального расширения конкретными пользователями. Дж. Лайонз (2004 : 138) подчеркивает: «Для лексемы нельзя указать конкретное число значений. Дискретность в языке — это свойство формы, а не значения. Во всех естественных языках значения лексем плавно переходят одно в другое, между ними нет четких границ». Тем не менее, в исследовательских целях фиксация различных ЛСВ в нормативных и диалектных словарях служит основой для изучения полисемии в историко-лингвистическом аспекте.

Рассматриваемые коми *поз*, удм. *пуз*, несомненно, были ресурсом протопермского языка, о чем говорят рефлексы в современных языках. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев представляют этимологию слова как допермское образование: «*поз* 'гнездо'; *поз* вс. то же (ССКЗД); комиЯ *поз* (КЯД); удм. *пуз* 'яйцо', *пузкаp* 'гнездо'. — Общеперм. **poz* 'гнездо' < Доперм. **pesä*» (КЭСК 223). Приведенные авторами примеры из мордовских, марийского, финского, венгерского и угорских языков свидетельствуют о финно-угорском происхождении слова: мар. *pəžäš* 'гнездо', морд. *pizä*, фин. *pesä*, саам. *bässe*, венг. *fészek, feze*, манс. *pət'* (КЭСК 223). К. Редди характеризует данную этимологию как прауральскую и приводит примеры из самодийских языков: **pesä* 'Nest', sam. jur. *O pide, selk. pitz, kam. phidä, mot. идыде* (UEW 375). Прауральское по происхождению слово уже изначально употреблялось в значении 'гнездо птиц', о чем говорит сохранение семантики в современных языках. Значение сообщает о важности охоты в прауральское время и свидетельствует о сохранении единого этнокультурного феномена для современных уральцев.

2. Данные пермских языков

Пермские языки представляют разные картины дальнейшего развития семантики слова, причем более многообразный материал дают коми-зырянские диалекты и литературный язык.

2.1. В удмуртском языке в ходе самостоятельного развития языковой системы первоначальное значение 'гнездо' стерлось (в отличие от почти всех уральских языков), семантика изменилась в сторону конкретизации, детализации, стала специализироваться для обозначения яйца: *пуз* '1 яйцо яичный 2. анат. яичко' (УРС 554). Изменение вполне закономерно, учитывая, что яйца являются принадлежностью гнезда, ср. толкование слова *гнездо* в словаре русского языка (Ожегов 1987 : 110), однако причины семантического сдвига не совсем ясны. Вероятно, произошло вытеснение исходного значения из-за расширения употребления другого прапермского слова *кар*, у которого появилось новое значение 'гнездо': *кар*, *куака* 'воронье гнездо', *дуринчи* 'осиное гнездо' (РУС 181). Слово *кар* в удмуртских диалектах имеет более широкую семантику — 'гнездо, городище, конура', что идет от протопермского значения 'городище, укрепленное место; место жилья коллектива (муравьиная куча, птичье гнездо и т. п.)' (КЭСК 117). Б. Мункачи считает перм. *кар* кавказским заимствованием (цит. по КЭСК 117). На основе рассмотренных двух основ в удмуртском образовалось новое сложное слово со значением 'гнездо': *пузкар* '1 гнездо, гнёздышко, 2 (перен.) логово (врага)' (УРС 554). Основа *пуз* стала мотивирующей для глагола *пузаны* 'класть (откладывать) яйца, нестись (о птицах); откладывать яички (о насекомых)'; *курегъёс умый пузало* 'куры хорошо несутся' (УРС 554). В настоящее время в удмуртском литературном языке *кар* употребляется в двух значениях: 1. 'гнездо, нора, логово, конура', *пуны* 'собачья конура', *тылобурдо* 'птичье гнездо'; 2. 'город, городище: городской', *Кар Дума* 'Городская дума' (УРС 281). Несомненно, второй ЛСВ диахронно является основным, первичным, ср. в коми языке повсеместно *кар* 'город'.

2.2. Коми-пермяцкий материал свидетельствует о расширении базового значения 'гнездо'. Нормативный словарь литературного языка выделяет у слова три ЛСВ: *поз* (*позй*-) 1) 'гнездо' *кай* 'птичье гнездо', *зи* ~ 'осиное гнездо'; 2) 'гнездо (картофеля, лука)'; 3) (перен.) 'гнездо, дом, семья', *тэчны аслыт* ~ 'свить себе гнездо (о человеке)' (КПРС 353). Интересно, что в коми-пермяцких диалектах грамматикализация лексемы *поз* не произошла, что можно считать дополнительным лингвистическим индикатором при различении собственно коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов.

2.3. Коми-зырянский материал представляет наибольший спектр значений слова в пермских языках, кроме того, детерминанта *поз* в сложных словах подверглась дальнейшей грамматикализации путем десемантизации и дальнейшего абстрагирования *поз*. Нормативный словарь выделяет следующие ЛСВ: *поз*(-й) 1) 'гнездо' ~ *лэбач* 'птичье гнездо'; 2) 'гнездо, куст (картофеля, лука и т.д.)', *лук* ~ 'гнездо лука'; *ельдбг* ~ 'гнездо груздей'; 3) (перен.) 'гнездо, родной дом', *чужан* ~ 'родной дом'; 4) 'клетка для птиц (для птиц и животных)' *чипан* ~ 'курятник'; 5) (перен.) 'притон', *гусясысьясльон* ~ 'воровской притон'; 6) 'коробочка', *хлопок* ~ 'коробочка хлопка' (КРК 510). Следует добавить, что в среднесыольском диалекте употребляется также словосочетание *мази поз* 'улей, пасака'.

Финский язык имеет более развернутый набор значений соответствующего коми *поз*, удм. *пуз* слова *pesä*: 1) 'гнездо', *peltopyyn* ~ 'гнездо куропатки'; *ketun* ~ 'лисыя нора'; 2) 'имущество семьи, наследство', *jakamaton* ~ 'неразделенное имущество'; 3) 'гнездо, очаг, логово', *vi-*

hollisen ~ 'логово врага'; 4) 'дыра, нора (о квартире, доме)'; 5) (техн.) 'гнездо', *kuulalaakerin* ~ 'гнездо обоймы подшипника'; 6) 'топка', *uunin* ~ 'печная топка'; 7) 'база, город (в играх)', ~ *alue* 'очаг, рассадник (какой-л. культуры)' (ФРС 457).

Автор придерживается традиционного подхода — различаются главное и производные сознания, дополнительные ЛСВ, контекстуально обусловленные, возникшие посредством сигнификативного, метафорического либо метонимического переноса или синекдохи (Левицкий 2008 : 149—150). К примеру, перенос значения в удм. *пуз* 'гнездо' → 'яйцо' основано на ментальном отношении: целое → составная часть. Метафорический перенос в свою очередь строится на разных семантических основаниях, поэтому развитие производных ЛСВ может осуществляться в разных направлениях. В развитии коми *поз* можно выделить три семантических основания.

1) Ментальное осознание наличия однотипных, одинаковых по форме компонентов внутри гнезда, а именно яиц округлой формы. Производный ЛСВ включает обозначение гнезда картофеля, лука, грибов (*ельдӧг поз, лук поз; хлопок поз* 'коробочка хлопка' и др.). Следующий метафорический перенос ведет к обозначению места сосредоточения однотипных по форме компонентов, места содержания птиц, животных и насекомых, курятника, улья (*чипан поз, мазі поз, зі поз*). В некоторых случаях семантика расширяется и до обозначения локализации животных и неодушевленных предметов, например, в печорском и средне-сысольском диалектах: *пон поз* 'собачья будка', *порсь поз* 'свинарник', *пес поз* 'дровяник' (КСК II 141). Отсюда понятно появление переносного употребления слова с отрицательным оценочным, коннотативным оттенком: *гусясьысьяслӧн поз* 'притон, рассадник зла, воровская хата'.

2) Функциональное предназначение гнезда быть домом для птенцов, отсюда перенос 'гнездо' → 'дом, родное жилище, домашний очаг, прибежище' (*лӧсьӧдны аслыныс поз* 'устроить для самих себя гнездо, обзавестись собственным домом, семьей'). Слово в переносном значении 'дом, пристанище' чаще всего имеет положительное оценочное значение и при письме часто выделяется кавычками, например, *Пётр Федотович торйӧн нин радейтис воывлыны гижысьяслӧн льӧмъюса* «позйӧ». *Тані сійӧ кылӧ асьӧ гортас моз* (Ульянов 65) 'Петр Федотович особенно любил приезжать в местечко Лемью в «пристанище» (гнездо) писателей. Здесь он чувствовал себя как дома'. Однако слово употребляется и с негативным значением, например, *Тшынйив лэпта п е ж п о з н ы т ӧ!* — *муралӧ сійӧ* (Иван купеч овмӧс йылысь) (Рочев 163) 'Пущу горячего петуха в твой дом (подожду)! — рокотал он (Иван о доме купца)'.

3) Ментальное осознание множества родственных одушевленных компонентов в гнезде — детенышей, птенцов, отсюда перенос 'гнездо' → 'выводок птенцов, детенышей'. В устной диалектной речи *поз* часто употребляется как 'выводок птенцов', например, в лузско-летском диалекте *утка поз* 'утка с выводком'; *чипаныс п о з н а с, сӧлсемнас мунӧ чипушкаяснас* 'курица со всем выводком идет' (КСК II 141). Вероятно, слово в этом значении легло в основу композиты *позтыр* 'выводок' < *поз* 'гнездо' + *тыр* 'весь, полный', досл. 'гнездо-выводок весь'.

3. Коми суффиксоид (-)поз

Выделенный ЛСВ в коми-зырянских диалектах стал основой для постепенной грамматикализации слова *поз*: 'выводок птиц' → 'родня, род, отродье' → 'совокупность людей с определенными свойствами' → 'отдельный человек с положительными или чаще отрицательными характеристиками'. Таким образом, с развитием языка образовался ряд слов, вошедших в эмотивную лексику, например, *вильышпоз* 'шалун, озорник, баловник', где прилагательное *вильыш* 'шаловливый' выступает производящей основой. В научной литературе элемент *поз* как суффиксоид еще не выделялся, как и несколько других вторичных деривационных аффиксоидов.

Критерием десемантизации может служить отсутствие мотивационной связи суффиксоида с основным лексическим значением слова-омонима *поз* 'гнездо', обозначение словом с (-)поз конкретного лица, а в случае обращения ко многим лицам с суффиксом множественного числа *-яс*, например, *Тайӧ кадӧ керка пельӧссянь кыліс Пеклалӧн гӧлӧсыс: — Тэ тай, Миша, век сэні тронсвидзан? Ветлы лэбулӧ. Песьясыс гырысьӧсь Поткӧдлы. Он ӧд, небось прамӧясӧ вӧчӧй первойсяньыс, д ы ш п о з ь я с* (Юхнин 35) 'В этот момент со стороны угла дома послышался голос Пеклы: — Ты, оказывается, Миша, всегда там торчишь? Сходи в сарай. Поленья крупные. Наколи. Не сделаете ведь сразу хорошо, ленивцы'. Как видно из примера, некоторые авторы пишут компоненты слова раздельно. Кроме собственно семантического, в языке проявились и формальные различия пейоративных слов. Обычно при склонении *поз* и присоединении посессивных суффиксов с начальным гласным в конце основы появляется т. н. вставочный звук *-j-*, исторически это рефлекс выпавшего конечного гласного основы, например, *поз* 'гнездо', но *позйын* 'в гнезде', *позйыс* 'его, ее гнездо'. Однако часто при изменении некоторых пейоративных слов вставочный звук не появляется: *ыкшапоз* 'бахвал', но *эсийӧ ыкшапозыс* 'этот бахвал'.

Грамматикализация отдельных слов, как правило, проходит четыре основных этапа: определяемое слово в словосочетании → второй элемент сложного слова → суффиксоид, полусуффикс → суффикс (подробнее: Федюнева 1985 : 83—84). В отношении коми элемента *поз* возможна трактовка как суффиксоида, имеющего ограниченное употребление лишь в мотивной лексике, так как окончательная десемантизация как пороговый индикатор выделения суффикса в производных словах еще не достигнута. Об том свидетельствуют пусть и немногочисленные случаи раздельного написания (-)поз, как в приведенном примере. Подобные случаи диахронного развития полнозначных слов в деривационные форманты встречаются во многих финно-угорских языках. Можно привести грамматикализацию элемента финно-угорского происхождения *буе* в эрзянском языке в составе топонимов — названий сел и деревень: *Кеченьбие* (офиц. Кечушево), *Таразбуе*, *Оржаньбуе*. Развитие значения, по Ш. Матичаку (2016 : 73), было следующим: 'сын' < 'внук' < 'колена, род, племя' < 'группа объединенных лиц' < 'элемент названия поселения'. Интересно, что вторичная суффиксация коми *пи* 'сын', этимологически соответствующего эрз. *буе*, также имела место в истории языка: с его помощью продуктивно образуются слова, обозначающие детенышей животных, птенцов, мальков рыб, в диалектах и молодые де-

ревца, например, *ручпи* 'лисенок', *чипанпи* 'цыпленок', *китпи* 'китенок', *сирпи* 'малек щуки', *козпи* 'елочка', *ноппи* 'маленький рюкзак'.

Особенность употребления суффиксоида *-поз* в том, что производные с ним функционируют лишь в лексике, которая выражает логико-семантическую категорию эмотивности, «в лексическом отношении выражается междометиями, бранными словами, вульгаризмами, эмоционально-оценочными наречиями и прилагательными, адресативами, т. е. лексикой, тип которой мы определяем термином «аффективы», в рус. яз. *касатик, золотце, дерь*» (Шаховский 2015 : 51). Производные с суффиксоидом *-поз* образуют аффективы последнего вида, причем в подавляющем большинстве с отрицательной оценочной коннотацией.

В эмотивной лексике (мелиоративов и пейоративов) можно выделить две большие группы: лексемы с изначально оценочной семантикой и лексемы с диахронно переносными значениями, отличными от прямого или буквального значения по денотативному ряду. К первым относятся лексемы, обычно означающие лиц с определенными негативными характеристиками, где сама основа уже выражает оценку — это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом *-ысь*, производные существительные и словосочетания, например, *ййй*, *ббб* 'дурак', *везжма* 'оборотень', *гуысь* 'вор', *гиги* 'пустосмешка', *пежпоз* 'отвратительный человек', *сюра лешак* букв. 'рогатый леший'. Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка или через него пейоративы, сохраняющие оценочное значение, существовавшее в передающем языке, например, *мерзавеч* 'мерзавец'. Тема эмотивной лексики в коми и финно-угорском языкознании отдельно и подробно еще не исследована, хотя материал зафиксирован в нормативных и диалектных словарях, сборниках фразеологизмов, фольклорных текстах и в богатейшей художественной литературе. Нет ничего удивительного, что суффиксоид *(-)поз* распространен лишь в подсистеме эмотивной лексики, это логично вытекает из результатов развития семантики слова с исходным значением 'гнездо'. Далее дан список аффективов, образованных с помощью *(-)поз*. Некоторые из них в словарях коми языка еще не зафиксированы.

м у с п о з 'милый, любимый, любимая', от *мус(а)* 'милый, любимый'; *Со о́д кутшй́м менам, м у с п о з й ы д* (И. Коданев) (ККЯ) 'Вот ведь какая у меня, милая'.

в и л ь ы ш п о з 'озорник, шалуныя, баловень' (КРК 103); *Но и в и л ь ы ш п о з тайё Лолаыс! Сыкёд он гажтёмтчы!* (Куратова 347) 'Ну и шалуныя эта Лола! С ней не соскучишься!'.

г о р ш п о з 'жадина' от *горш* 'жадный, алчный, прожорливый'; *Ме асывбыд гижи, юр пытшкын гилялис, съёлём вылын вёлі шудлун манера. Ме эськё нимкодъпырысь öні варовитыштї улиткаыдкёд... Бёрас казялі, мый садьысь уна мича кор вёлі сёйёма кутшй́мкё г о р ш п о з* (Валтон 23; перевод А. Попова) 'Я все утро писал, мозг был напряжен, на сердце благодать. Я бы с радостью поговорил с улиткой... Потом заметил, что в саду много красивых листьев сожрала какая-то жадина'.

г ы н п о з 'неряха', зафиксировано в удорском диалекте (КСК I 395), от *гын* 'войлочный, валяный'.

д з и р н я п о з 'непоседа, юла, вертун', от *дзирня* то же.

д з и р ы д п о з 'егоза, вертун, вертунья' (КРК 180); *Д з и р ы д - п о з ! Мый ветлан-гыан! Со тэд менам водз — Латиксыям медьюгы-*

динас (Куратов 43) 'Егоза! Что ходишь-колобродишь? Вот тебе мои колени — сядем в самое светлое место'.

дуланпоз 'упрямец', *ставон кывзысисны, сөмын тайо дуланпоз йыс колльчис* 'все послушались, только этот упрямец остался' (КРК 203).

дульпоз 'злюка', зафиксировано в удорском диалекте (КСК I 483), от *дуля* 'слюнявый'.

дуркпоз 'грязнуля' (КРК 205), от *дурк* 'неряшливый, неаккуратный'; *Өні кодкө шуас оз Миян Ваня пө дуркпоз* (Ю. Попова) (ККЯ) 'Теперь кто-либо скажет ли, что наш Ваня грязнуля'.

дышпоз 'ленивец, лентяй, лентяйка' (КРК 207), от *дыш* 'ленивый'; *Кызди благородной мортлы висьтала веськыда, менам дышпоз лы репетиторос оз медав* (А. Кононов) (ККЯ) 'Как благородному человеку, скажу прямо, моему лентяю репетитора не найму'.

зырымпоз 'сопливец, сопливица' (КСК I 573), от *зырым* 'сопли'.

квастпоз 'хвастун' (КРК 265), от *кваст* 'хвастливый'; *Ольби. Квастпоз! Дарья. Дугдйи, сюрая! Льястө чегьяла* (Белых 73) 'Олеш. Хвастун! Дарья. Перстаньте, черти! Кости переломая'.

лешакпоз 'черт, леший', соответствует рус. *чертово отродье*, от *лешак* 'леший, черт'; — *Лангышт, лешакпоз!* — *пинь пырыс сөдзөдис Митипер да ещө чорыдджыка ёрчыштис*: — *Кураннас швачнита — садьсялан!* (Безносиков 62) 'Помолчи, чертово отродье! — сквозь зубы процедил Митипер и еще более грубо выругался: — Огрею граблями — очуаешься!'.

лөкпоз 'злюка', *лөгыс петис гөтыр вылас, ~ вылө* 'он злился на жену-злюку' (КРК 35), от *лөк* 'злой'; — *Ок, лөкпоз, абу вундбма!* — *шуис да шудаа серөктис*. — *Юра, висьтав веськыда, бара ме вöсна ставыс лои?* (Торопов 125) 'Ох, злюка, не забыл ведь! — сказала она и засмеялась. — Юра, скажи прямо, опять из-за меня все случилось?'.

мудерпоз 'хитрец' (КРК 404), от *мудер* 'хитрый'; — *Оз пыр сийб капканад, мудерпоз, — өлдис Максим* (А. Некрасов) (ККЯ) 'Не попадается он в капкан (досл. не заходит), хитрец, — предупредил Максим'.

нартпоз диал. 'упрямец' (КРК 422), от *нарт* 'своенравный, непослушный, упрямый'.

няйтпоз 'грязнуля' (КРК 448), от *няйт* 'грязный'; *Мысьбодны колө няйтпоз сө* (В. Климов) 'Умыть надо грязнулю'.

скөрпоз 'злюка' (КРК 597), от *скөр* 'сердитый': — *Тэ көть сийбс, скөрпоз йөс, велөдин, медым мянөс гөститодас* (В. Кочетов) 'Ты хоть бы его, злюку, научил, чтобы нас когда-нибудь угостил'.

скуппоз 'скупердяй, жадина' (КСК I 393), зафиксировано в среднесысольском диалекте, от *скуп* 'скупой'; *Скуппоз йөн карса гөсьттө мед оз жө шуны* (В. Напалков) (ККЯ) 'Чтобы не назвали же городского гостя скупердяем'.

тойпоз 'вшивец' (КСК II 393), зафиксировано в нижневычегодском диалекте, от *той* 'вошь, вшивый'.

трасичапоз 'неладный, неладная, хулиган(ка)', от *трасича* 'сорванец' (КРК 656). Очевидно, адаптированное заимствование (рус. *Трасучка*) в коми языке получило значение 'неладный, нескладный, хулиганистый, ненормальный', адресуется чаще женщинам; [---] *дөжнөдлис асьсө Ольёксан. «Босьт да висьтав выживлы, кыз да мый. Ачид*

нө, табак кӧшель, ас кадӧ кӧнӧ вӧлӧн? Ветлӧдлӧн, синтӧ бокӧ вештӧмӧн, тӧпру ни ну, т р а с и ч а п о з» — пузис ас вылас» (Чугаев 8) '[---] осуждал себя Олексан. «Вот и возьми да скажи выжившему из ума, как и что. Сам-то, табака кошель, в свое время где был? Ходил, отводя глаза в сторону, ни туда ни сюда, неладный».

т ш а п п о з 1) 'гордец, гордячка', 2) 'недотрога' (КРК 667), от *тшан* 'нарядный, гордый'; *Менӧ т ш а п п о з ӧ с пуксьӧдӧсны, тиӧктӧсны вӧтчны йӧз бӧрся* (Ю. Яковлев) (ККЯ) 'Меня, гордеца, посадили, велели ехать-гнаться за людьми'.

у р ӧ д п о з 'грязнуля' (КРК 688), от *урӧд* 'уродливый, неряшливый'.

ш е в а п о з букв. 'отродье колдовской порчи', т. е. человек, наводящий порчу, от *шева* 'отвратительное насекомое, вскормленное колдуном, наводящее порчу, икоту'; *На тэныд, дона тӧварка, — чилзис вӧсньыд гӧлӧснас Лия, — на тэныд, мусук дорысь кӧдзӧдысьӧй! Эз кут матӧ сибӧдлыны, думайта: мало ли чего, гашкӧ, гӧтырыс сакис, гашкӧ, нӧрпалӧ, а, вӧлӧмкӧ, ми костӧ сӧйсӧмыд тэ, ш е в а п о з й ӧ й!* (Льюров 100) 'На тебе, дорогая товарка, — визжала тонким голосом Лия, — на тебе, разлучница от милого! Не стал меня признавать, думаю: мало ли чего, может, его жена наругала, может быть, болеет, а оказывается, между нами влезла ты, наводящая порчу!'. Как и *трасича*, *шевапоз* адресуется женщинам.

ы к ш а п о з 1) 'бахвал', 2) 'гордец, гордячка' (КРК 759); *Мӧдысь тайӧ ы к ш а п о з ы с, код дорӧ матын Князевлӧн сӧлӧмыс — сӧдз сӧйӧ и ачыс вуджӧ сы вомӧн...* (Б. Шахов) (ККЯ) 'В другой раз эта гордячка, к которой неравнодушен Князев — так она и так его игнорирует'.

4. Заключение

Суффиксоид *-поз* в научной литературе еще не рассматривался. Обычно описываются такие аффиксоиды или новые форманты, как *-лун*, *-туй*, *-тор*, *-пу*, *-улов*, *-ин*, *-пом* (*-пон*), *-кодъ* (Федюнева 1985 : 85—99). Между тем коми материал требует расширения состава вторичных деривационных формантов, некоторые из них активизировались буквально в последние десятилетия. Например, существительное *куд* с базовым значением 'лукошко, коробка' в конце 1980-х годов тоже трансформировалось в суффиксоид, с помощью которого образован ряд неологизмов, например, *кывкуд* 'словарь', *шыкуд* 'фонетика, звуковой состав', *кывбуркуд* 'сборник стихов', *лыддянкуд* 'хрестоматия', *оланпаскуд* 'свод законов, законодательство' и др. Это свидетельствует об активизации словообразовательных процессов в современном коми языке, однако такое развитие деривационной структуры и грамматики коми языка происходит в течение столетий самостоятельного развития языка. Исследователи пермских языков уже обращали внимание на него: «Сравнительный анализ грамматического строя удмуртского языка с близкородственным коми языком свидетельствует о том, что основное направление развития морфологического строя шло по линии функционального и семантического сближения удмуртских грамматических форм и лексико-грамматических единиц с соответствующими формами и единицами контактирующего с ним татарского языка. В отличие от удмуртского развитие морфологического строя коми языка пошло по линии разворачивания

своих внутренних ресурсов» (Тараканов1990 : 182). Это подтверждает и грамматикализация лексемы *поз* в коми языке. Такой же вывод сделан нами при исследовании семантической структуры удм. *гурт*, коми *горт* (Цыпанов 2016 : 266—272).

Address

Jevgenij Cypanov
Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre
E-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Сокращения

Безноси́ков — В. Безноси́ков, Чужан сиктын олам-вылам, Сыктывкар 1995; **Белых** — Н. Б е л ы х, Кодлӧн кутшӧм шуд, Сыктывкар 1981; **Валтон** — А. В а л т о н, Торпыригыяс. — Войвыв кодзув, 2015, №12, 7—32; **ККЯ** — Корпус коми языка. Электронный ресурс: www.komicorpora.ru; **КПРС** — Р. М. Б а т а л о в а, А. С. К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КРК** — Л. М. Безноси́кова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева, Коми-роч кывчукӧр, Сыктывкар 2000; **КСК** — Л. Н. Безноси́кова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка, в 2-х томах. Т. I, II, Сыктывкар 2012, 2014; **Куратов** — И. К у р а т о в, Менам муза, Сыктывкар 1979; **Куратова** — Н. К у р а т о в а, Менам дона сикӧтш-оже-рельей, Сыктывкар 2009; **КЯД** — В. И. Л ы т к и н, Коми-язвинский диалект. Москва, 1961; **Льюров** — А. Л ы ю р о в, Аттьӧ тӧянлы, Сыктывкар 1991; **Рочев** — Я. Р о ч е в, Кык друг, Сыктывкар 1983; **РУС** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956; **Торопов** — И. Т о р о п о в, Оштӧ эн лый кыкысь, Сыктывкар 1995; **Ульянов** — А. У л ь я н о в, Пер рӧд — бур рӧд! — Войвыв кодзув 2011, 1 №, 59—67; **УРС** — Т. Р. Д у ш е н к о в а, А. В. Е г о р о в, Л. М. И в ш и н, Л. Л. К а р п о в а, Л. Е. К и р и л л о в а, О. В. Т и т о в а, А. А. Ш и б а н о в, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **ФРС** — И. В а х р о с, А. Щ е р б а к о в, Финско-русский словарь, Москва 1977; **Чугаев** — Н. Ч у г а е в, Пас. — Войвыв кодзув 2014, 11 №, 3—12; **Юхнин** — А. Ю х н и н, Алӧй лента. Сыктывкар 1981.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Л а й о н з Дж. 2004, Язык и лингвистика. Вводный курс, Москва.
Л е в и ц к и й Ю. А. 2008, Общее языкознание, Москва.
К о д у х о в В. И. 2013, Общее языкознание, Москва.
М а т и ч а к Ш. 2016, Элемент *-буе* в эрзянском языке: суффикс, полусуффикс или второй элемент сложного слова. — Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем, Саранск, 67—75.
М у х о р т о в Д. С. 2014, Значение слова в тисках речи, Москва.
О ж е г о в С. И. 1987, Словарь русского языка, Москва.
Т а р а к а н о в И. В. 1990, Основное направление развития морфологической системы пермских языков. — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2, Москва, 180—182.
Ф е д ь о н е в а Г. В. 1995, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
Ц ы п а н о в Е. 2016, Семантическая оппозиция *керка/корка* — *горт/гурт* в пермских языках. — LU LI, 266—272.
Ш а х о в с к и й В. И. 2016, Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология, Москва.
Ш м е л е в Д. Н. 1990, Полисемия. — Лингвистический этимологический словарь, Москва, 382.